

В небе висела яркая луна, но в резиденции Фан Хуа было темно. Из покоев лился слабый свет, когда я прокралась внутрь и закрыла за собой дверь. Обернувшись, я увидела только нескольких молодых евнухов, ожидавших во дворе с опущенными головами, не смеющих издать ни звука. На самом деле, их тела, казалось, била дрожь.

"Что не так, что-то случилось?" – стоило мне заговорить, как в темноте послышался шум шагов. Прежде чем я смогла оправиться от шока, я была ослеплена ярким светом, отражающимся от целой кучи мечей. Около дюжины стражников стояли перед нами в полном боевом порядке с обнаженными мечами.

Я задрожала и даже не успела отступить. Начальник императорской стражи окинул нас всех ледяным взглядом и сказал: "Задержать здесь всех."

Ах...

Задержать?

Почему они хватали людей Фан Хуа? Не говоря уже о том, что я только что поступила в эту резиденцию... зачем хватать и меня тоже?

Мои плечи болели от того, что кто-то сжимал меня, но я не осмеливалась использовать свою внутреннюю энергию. До того, как случится что-то на самом деле серьезное, я решила пока вытерпеть это. Отсутствие снисходительности в мелочах может расстроить большие планы.

Нас привели в залы старика императора, где мы обнаружили, что евнухи и придворные дамы других господ уже стояли там на коленях, дрожа от страха. Ночь была прохладной, но ворота в главный зал были широко распахнуты, и из его глубин доносился запах лекарств.

В помещении не зажигали благовоний, но все лампы здесь ярко сияли. Хотя сцена была очень яркой, она также казалась особенно пустой и безлюдной. Ярко-желтая мантия была расстелена на полу, где человек стоял на коленях у кровати, сжимая руки императора. Его глаза были красными, а голос прерывался от рыданий, когда он повторял снова и снова: "Отец... ваш сын вел себя неподобающим образом."

Но фигура на кровати оставалась неподвижной.

Наследный принц наклонился и крепко обнял того человека, тело его дрожало, когда он медленно соскользнул с кровати, выражение его лица при этом было чрезвычайно печальным. Он был идеальным воплощением послушного ребенка, и зрелище было очень трогательным.

Что это было?

Что случилось? Я ошеломленно смотрела со своего места, стоя на коленях на земле и яростно моргая. Старый евнух вытер глаза рукавом и объявил пронзительным, протяжным голосом: "Император скончался."

Что...

Скончался?!

По пустым залам и тихим помещениям дворца разнесся низкий, скорбный звон колоколов. Их унылые ноты бесконечно отдавались в небесах, и этого звука было достаточно, чтобы заставить

сердце трепетать.

Шум сотрясал меня до тех пор, пока моя голова полностью не опустела. Я тупо смотрела на двор, полный скорбящих, рыдающих людей. У некоторых были пепельно-белые лица, они дрожали, стоя на коленях на земле.

"Как дерзко, кто это?"

"С дороги, с дороги..."

У входа во дворец появилась фигура, приподнявшая свои одежды, чтобы поспешить внутрь, после чего поклонилась, подняв в воздух свои руки. На его стиснутых вместе ладонях тихо лежала маленькая коробочка.

"Ваш слуга пришел слишком поздно и заслуживает смерти десятью тысячами смертей."

Кто-то еще медленно последовал за ним, но остановился, чтобы с удивлением взглянуть на эту сцену. Среди всего этого хаоса он был единственным, у кого все еще оставалось спокойное выражение лица. Какой бы напряженной ни была окружающая атмосфера, он всегда был спокоен и элегантен.

"Фан Хуа, ты тоже пришел." - Хань Цзычуань слегка кивнул с нежной улыбкой. Наконец он повернулся и медленно сел, слегка постукивая руками по поверхности стола. Постепенно улыбка в его глазах исчезла, в то время как он сосредоточился на одном человеке.

"Императорский врач Нун?"

"Ваш провинившийся слуга здесь".

"В эти несколько дней болезнь отца улучшалась, но почему он так тихо скончался сегодня?" - его мягкий тон казался спокойным, но в нем слышались намеки на приближающуюся бурю: "Я действительно хочу узнать истинные причины всего этого."

"Рецептом императора все это время были формулы господина Хуа, и ваш слуга отвечал за приготовление этого отвара. Ваш слуга ушел сегодня днем, чтобы поискать лекарственные ингредиенты снаружи, и только сейчас поспешил вернуться." - его голова опустилась, когда он поклонился, хотя он бросил взгляд на Фан Хуа, стоящего сбоку.

Что Нунъюй имел в виду под этими словами?

Он же не мог пытаться свалить всю вину на...

Я подняла голову. У Фан Хуа, стоявшего позади него, теперь было отчужденное, безразличное выражение лица. Нет, не безразличное, но больше походило на то, что он вообще не принимал все происходящее близко к сердцу. Его взгляд скользнул по собравшимся придворным дамам и евнухам, чтобы остановиться на мне. Я вздрогнула, и на сердце у меня стало тревожно.

Это, он же даже не понимает, что кто-то подставляет его! Чем он занимается, просто смотря на меня? Поторопись и скажи уже что-нибудь, Нунъюй явно пытается свалить вину на тебя! На сердце у меня было беспокойно от тревоги, и я разволновалась настолько, что хотела встать, но кто-то прижал меня к земле за плечи.

"Веди себя хорошо."

Веди себя хорошо, ведай себя хорошо. Я буду вести себя хорошо.

Выражение лица Фан Хуа застыло, когда он взглянул на меня, словно бы желая что-то сказать. Хань Цзычуань поманил его рукой, не соизволив ответить Нунъюю, одновременно бормоча что-то себе под нос. Его холодный взгляд пронзил придворных евнухов насквозь, когда он заговорил строгим голосом: "Кто был императорским врачом, ответственным за приготовление лекарства сегодня? Принесите готовый отвар."

Как эффективно...

Люди во дворце на самом деле действовали чрезвычайно быстро.

Прежде чем у меня заболели колени от коленопреклонения, честный и терпеливый на вид императорский врач вместе с двумя или тремя евнухами были схвачены и доставлены в императорский зал. Они опустили в лекарственный отвар серебряные иглы и немного поводили ими.

Пожилой императорский врач держал иглу дрожащими пальцами и осторожно понюхал ее на пробу, после чего его лицо расширилось от изумления. Он заговорил хриплым, полным печали голосом: "Ваш покорный слуга некомпетентен, пожалуйста, позвольте Вашему Высочеству назначить наказание... отвар, приготовленный сегодня днем, был лично сварен вашим слугой, но из-за моей небрежности кто-то умудрился подсыпать немного Пряного Небесного Благовония."

"Пряного Небесного Благовония?" - взгляд Хань Цзычуаня скользнул по нему.

Пожилой императорский врач был слишком напуган, чтобы произнести еще хоть слово.

Нунъюй втянул в себя воздух, отталкивая мужчину в сторону, чтобы скрыть его от посторонних глаз, одновременно почтительно кланяясь наследному принцу: "Отвечаю Вашему Высочеству, это благовоние изготавливается из свежих соков, выделяемых нежными стеблями трех уникальных растений. Его употребление повышает эффективность наркотика, вызывая при этом галлюцинации. Обычный человек сможет перенести это без проблем, но те, у кого серьезные заболевания, не будут в состоянии этого вынести."

Я уже слышала об этой штуке раньше...

Вы должны будете добавить стебли в отвар через несколько секунд после срывания стеблей и проглотить полученный результат в течение 16 часов. Чем раньше будет принято лекарство, тем эффективнее оно будет.

"То, что в императорском дворце тайно скрывали подобные благовония, тем более обладающие подобной силой, позволяет предположить, что мастеру медицинских искусств повезло сорвать несколько растений за пределами дворца, чтобы создать наркотик, который и был добавлен в лекарственный отвар Его Величества. Ваше Высочество, пожалуйста, проведите тщательное расследование." - Нунъюй нахмурился, понюхав руку, которую он окунул в наркотик, и продолжил: "Конечно, мы также не можем исключить евнухов или придворных дам."

Хань Цзычуань подпер голову руками, сидя в своем кресле, и указал на дрожащие фигуры честного на вид врача и его евнухов: "Уведите их и отрубите им головы."

Кажется, он улыбался, говоря подобные вещи о жизни и смерти, как будто в этом не было ничего особенного. Словно бы он не приказывал отрубить им головы, а вместо этого велел им

вырвать несколько сорняков.

"Ваше высочество, что нам делать с остальными слугами?" - тихо спросил придворный евнух со своего места сбоку, засунув руки в рукава.

"Заберите их для расследования и проверьте, не прячет ли кто-нибудь из них пилюли или лекарства. Любой, кто не служил своим хозяевам или покидал дворцовые залы, должен быть передан Министерству Правосудия для допроса с применением пыток."

Что...?

Твоя бабушка(1)! Ты слишком жесток, Хань Цзычуань.

Мое тело обмякло, в то время как я наблюдала за тем, как стражники приближаются, чтобы утащить людей. Сердце бешено колотилось, я пребывала в каком-то забытьи, задаваясь вопросом, должна ли я выступить против них... и взбунтоваться. Затем чья-то фигура загородила мне обзор, и некий голос мягко произнес: "Я хочу оставить эту молодую придворную даму."

Я могла смутно видеть лицо Фан Хуа, когда он положил руки мне на плечи, поднимая меня с земли. Он мягко, но уверенно повернулся к Хань Цзычуаню и сказал: "Она всегда служила рядом со мной и никогда не покидала меня."

Нунъюй был ошеломлен.

"Разумеется, я не трону никого из твоих людей". - улыбнулся Хань Цзычуань, его тон был исключительно непринужденным.

Я отчетливо почувствовала, как хватка Фан Хуа на моих плечах ослабла, и мое тело слегка расслабилось. Мои глаза уставились на его лицо, которое могло ослепить и ошеломить всех смотрящих на него, так что даже я на мгновение отвлеклась от происходящего.

Почему он должен был лгать? Ведь если бы он был разоблачен, разве это не было бы...?

Тем временем Нунъюй все это время стоял позади Хань Цзычуаня. Я не могла видеть выражения его лица, но вспомнила, что он мне говорил... Кажется, я была на грани того, чтобы что-то понять. Но я не осмеливалась думать об этом. Я тоже не хотела вникать во все это.

Императорский дворец на самом деле был смехотворным местом. Я опустила голову и время от времени бросала взгляды на тени на полу, после чего внезапно взяла себя в руки и удивленно приподняла голову. Тени на великолепной золотой стене, теплый уют ламп из цветного стекла и серебристые отраженные точки на занавесках кровати - все это мягко двигалось, несмотря на отсутствие ветра.

Потрясенная, я даже смогла расслышать чье-то чрезвычайно слабое дыхание, борющееся и слабое, как будто оно было готово оборваться на полуслове в любой момент. Основа моей внутренней энергии не была слабой, поэтому мой слух был намного острее, чем у обычных людей.

Возможно ли, что... император еще не умер?

Это не было невозможно. Хотя болезнь старика императора была тяжелой, у него был шанс

предотвратить действие Пряного Небесного Благовония. Возможно, его сердце остановилось лишь на короткое время, но, если бы они взялись за его лечение сейчас, они могли бы даже спасти ему жизнь.

Внезапно Фан Хуа сделал несколько шагов вперед, как будто намереваясь приподнять занавески на кровати. Хань Цзычуань с очень легкой улыбкой опустил свою руку ему на плечо и держал ее там до тех пор, пока то слабое дыхание не стихло окончательно...

Только тогда он тихо сказал: "Не тревожьте мертвых, иначе это будет воспринято как знак большого неуважения."

Я чувствовала, что я никогда раньше не знала его настоящего.

Принц, который когда-то был скор на скромность и нежную мягкость... был все еще нежным сейчас и все еще улыбался, как и в прошлом. Но под теплотой его улыбки скрывалось нечто такое, от чего у меня волосы встали дыбом.

Почтительный, торжественный голос придворного евнуха разнесся по большому залу, хотя его слов все еще было недостаточно, чтобы скрыть его пронзительный, резкий тон: "Император скончался, и через пятнадцать дней наследный принц взойдет на трон. Бездетные наложницы покойного императора должны быть похоронены вместе с покойным."

Это была "огромная и бескрайняя" "императорская благожелательность."

Ух... это на самом деле было огромным и бескрайним. Все, чем старик император наслаждался в своей жизни, должно было быть унесено вместе с ним и после его смерти. Посреди толпы, провозглашающей долголетие новому императору(2), Фан Хуа бросил взгляд на мертвеца и повернулся, чтобы уйти.

"Господин Хуа, что случилось?" - я поспешила следом за ним. У него была мягкая улыбка, которая была исключительно холодной. Я подняла брови, заметив Хань Цзычуаня, с нежной улыбкой стоящего у двери в большой зал и внимательно наблюдающего за тем, как мы уходим.

Хотя его слова были мягкими и отстраненными, их все равно было достаточно, чтобы заставить меня задрожать.

"Строго допросите императорских врачей. Увеличьте охрану, присматривающую за господином Хуа, и запретите кому-либо покидать дворец."

(1) nainaide - твоя бабушка. Используется как восклицание удивления / шока / неверия или как проклятие.

(2) wansui wansui wanwansui - долголетие императору. Наиболее популярный возглас подданных императора, чтобы он жил тысячу лет, десять тысяч лет, десять тысяч из десяти тысяч лет...